

13. Klimenko N. M. Iz istorii Troickoj cerkvi stanicy Filonovskoj Novoanninskogo rajona (1917–1965 gg.) // Mir Pravoslavija: sb. nauch. st. Vyp. 3. Volgograd: Izd-vo VolGU, 2000.

14. Klimenko N. M. Istorija Troickoj cerkvi stanicy Filonovskoj Hoperskogo okruga Oblasti Vojska Donskogo (1728–1917 gg.) // Mir Pravoslavija: sb. nauch. st. Vyp. 2. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1998.

15. Kniga zapisi reshenij Filonovskogo blagochinnicheskogo soveta za 1917–1920 gg. // Gos. arhiv Volgogr. obl. F. I–14. Op. 1. D. 75.

16. Krivosheeva N.A. O zakrytii Moskovskogo eparhial'nogo soveta // Vestnik PSTGU. Ser. II: Istorija. Istorija RPC. 2006. Vyp. 2(19). S. 197–203.

17. Ocherki po istorii Volgogradskoj eparhii Russkoj pravoslavnoj cerkvi / I. O. Tjumencev, N. D. Barabanov, A. V. Dubakov [i dr.]; pod red. mitropolita Volgogradskogo i Kamyshinskogo Germana; Volgogr. eparhija Rus. Pravoslav. Cerkvi; bogosl. fak. Caric. pravoslav. un-ta prep. Sergija Radonezhskogo; Volgogr. gos. un-t. Volgograd: Izdatel', 2003.

18. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Rabochego i krest'janskogo pravitel'stva. 1920. № 45. St. 205. Revoljucija i Cerkov'.

19. Futin P. Istorija moego roda. Sobytiya 1918 goda. Rukopis'. Novoanninskij rajonnyj kraevedcheskij muzej Volgogradskoj oblasti.

20. Shehaev B. Boevaja zhizn' 16 strelkovoju Ul'janovskoj imeni Kikvidze divizii. M. – L.: Gos. voen. izd-vo, 1926.

Activities of the Filonovsky Deanery Council of the Khoperskydistrict of the Don Diocese during the revolution and the Civil war (1917–1920)

The article deals with the unique source on church history referring to the period of the revolution of 1917 and the Civil war on the Don – “The Record Book of Filonovsky Deanery Council of the Khopersky district of the Don Diocese” (1917-1920), which is stored in the State archives of the Volgograd region. The activities of this organization are described in the context of the events of the Civil war; the place of the Council in the system of diocesan administration is found out. The facts of persecution of the Orthodox Church by the Soviet authorities and their actions are revealed in the article.

Key words: local lore, church history, Russian Orthodox Church, parish life, Region of Don Troops, Don Cossacks, revolution, Civil war.

(Статья поступила в редакцию 31.01.2017)

А.М. БАКИРОВА
(Оренбург)

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА НАРКОМПРОСА И НАРКОМНАЦА (1918–1923)

Характеризуется период, во время которого конфессиональные школы Южного Урала стали переводиться под контроль советских органов образования, в то время как по стране это произошло раньше. Рассматриваются две тенденции будущего развития: появление и поддержка новым советским государством (Наркомат национальностей) национальных (татарских, башкирских и т. п.) школ и строительство единой советской трудовой школы (Наркомат просвещения).

Ключевые слова: Наркомпрос, Наркомнац, конфессиональные школы, мусульмане, мусульманские комиссариаты.

В результате Октябрьской революции 1917 г. и установления Советской власти система народного образования была коренным образом изменена. Период с июня по сентябрь 1918 г. – время организационной перестройки центральных и местных органов просвещения в соответствии с декретом Совнаркома и завершения перехода школьного дела из рук земств и городских самоуправлений в руки советских органов [7, с. 103].

Осенью 1918 г. в центре и в большинстве губерний страны завершается процесс переподчинения учебных заведений советским органам управления народным образованием. На Южном Урале, в связи с развернувшейся в регионе Гражданской войной, этот процесс затянулся до осени 1919 г. После вступления в Оренбург Красной Армии 18 января 1918 г. власть в городе перешла к ВРК. Для управления губернией при ВРК было создано 11 комиссариатов, в том числе и комиссариат народного просвещения. На заседании Оренбургского ревкома 7 февраля 1918 г. утверждён состав комиссариата [6, с. 80–84].

Мусульмане, члены губернского исполнительного комитета советов, образовали комиссариат по мусульманским делам Оренбургской губернии. При комиссариате были образованы соответствующие отделы, в том числе и отдел народного образования. Комиссаром стал Карим Хакимов [1, с. 25].

К. Хакимов совместно с губернским мусульманским комиссариатом предпринял ряд мер по организации народного образования среди татарского и башкирского населения. В Оренбурге были организованы 7 городских начальных школ. Также еще во время власти белых в Оренбурге определенные шаги по расширению возможности обучения национальностей меньшинств были сделаны оренбургскими педагогами, органами городского самоуправления. В частности, открыты 1-, 2-, 4-е мусульманские мужские училища и 1-е высшее начальное училище, хотя в этот период обучение основной массы мусульманского населения продолжало проходить в мектебах и медресе [6, с. 80–84].

После проведения Советской властью преобразований к ноябрю 1919 г. в Оренбурге действовало татарских школ 1-й ступени – 15, 2-й ступени – 2; в Оренбургском уезде: 1-й ступени – 34, 2-й ступени – 1 [2. Л. 14]. В Орске и Орском уезде в течение 1920/21 учеб. года функционировало 20 таких школ: 19 школ 1-й ступени и 1 школа 2-й ступени [15. Л. 1]. Серьезные трудности возникали из-за нехватки подходящих помещений. Так, здание татарской школы №1 в Орске было построено частным лицом под квартиры для семей. С 1914 г. там располагалось управление интендантства, а во время войны – инфекционная больница. В 1920 г. здание было передано под школу. Еще одной проблемой было «отсутствие школьных работников, знающих инородческий язык» [4. Л. 19]. Ощутимо не хватало кадров – учителя национальных школ, носивших ранее духовный характер, были лишены права преподавания. В многонациональном крае, каковым было Оренбуржье, в равной степени активно развивать школы для каждой из наций, населяющей его, было весьма затруднительно – задел был ощутимо неодинаков. Так, в Орском уезде, где проживало 8 тыс. казахов, было только 5 школ [5. Л. 1]. Весьма примечательным примером гибкого подхода к решению образовательных задач является решение коллегии отдела народного образования Орского уездного исполкома от 13 декабря 1920 г.: «Принимая во внимание, что в Орском уезде с присоединением к нему Адамовского и Можаровского районов, преобладающее население является мусульманское (татары, башкиры, киргизы), так что в повседневной жизни этим двум различным национальностям приходится часто соприкасаться и благодаря незнанию языка между этими двумя соседями происхо-

дят недоразумения, для их сплочения и поднятия культурности среди мусульманского населения, безусловно, признать полезным и необходимым введение преподавания татарского языка» [3. Л. 84]. К решению прилагался проект положения «О введении обучения татарскому языку всех учащихся в русских школах Орского уезда», где, в частности, говорилось: «§ 3. Обучение татарскому языку вводится во всех русских школах района, начиная с 4 группы школы 1 ступени. § 4. Обучение этому языку должно иметь своей конечной целью: если не уметь говорить по-татарски, то, по крайней мере, понимать устную татарскую речь, а также – умение читать и писать по-татарски. § 5. Для обучения татарскому языку в таком виде уделять в 4 и 5 группах по одному часу в течение 6 суток в неделю. § 6. Но учитель татарского языка не ограничивает свою работу одним часом классного времени в сутки, так как должен практиковать детей в устной татарской речи в свободное от учебных занятий время по усмотрению школьного совета. § 7. Для обучения татарскому языку избираются русские люди, умеющие правильно говорить, читать и писать по-татарски, а также татары, обладающие достаточными для обучения татарской грамоте образовательными цензами и умеющими говорить и писать по-русски... § 11. Обучение татарскому языку в школах на первое время является обязательным для детей обоего пола, с течением же времени этот вопрос может быть видоизменен постановлениями коллегии Отдела, согласно указаниям опыта» [Там же. Л. 85].

Тогда же отмечалось, что наибольший охват детей школьного возраста наблюдается у русских и татар, а также то, что «в некоторых местах население настойчиво требует (опираясь на отношение муфтия Оренбургского духовного собрания, подкрепленное туманным разъяснением Наркомнаца) возвращения помещений бывших при мечетях мектебов для обучения вероучению. ... Среди татар замечается особенно сильный рост просветительских учреждений» [8, с. 28].

Мектебы и медресе по законам новой власти подлежали закрытию. Но на деле все оказалось намного сложнее. Еще на одном из своих первых заседаний в апреле 1918 г. коллегия Наркомнаца обсудила перспективы развития народного образования. К этому побуждали массовая неграмотность населения, отсутствие системы профессионального образования для тюркоязычных, финно-угорских и

других народов России. Рассматривая проблему как важную часть национального вопроса, коллегия приняла принципиальное решение: дело образования ранее угнетенных народов Наркомнац должен взять в свои руки и вести его независимо от Наркомпроса. В структуре национальных комиссариатов создаются отделы просвещения. Центральный мусульманский комиссариат, курировавший регионы Поволжья и Сибири с мусульманским населением, незамедлительно направляет губернским и уездным Советам, комиссариатам по делам мусульман Оренбурга, Уфы, Самары, Астрахани и Симбирска информацию о том, что при комиссариате 13 апреля создан отдел народного образования мусульман. По всем вопросам, касающимся народного просвещения, следовало обращаться в отдел [19].

Спешное установление «монополии» на просвещение Комиссариатом по делам национальностей было воспринято в Наркомпросе с недоумением, т. к. здесь дело народного образования рассматривали с точки зрения социалистического переустройства старой, в том числе – конфессиональной школы. В Наркомпросе отстаивали централизацию школьного дела в рамках своего комиссариата, а в Наркомнаце, видимо, опасались пренебрежительного отношения к национальным меньшинствам. Идею централизации школьного дела также не принял и Мусульманский комиссариат, который в мае 1918 г. представил на рассмотрение коллегии концепцию «мусульманского образования» в России. Судя по проекту, Мусульманский комиссариат полагал, что дело просвещения мусульман должно было быть автономным в финансовом и хозяйственном отношении и не подведомственным Комиссариату просвещения [Там же, с. 61].

Таким образом, советская школа, создаваемая для народов, исповедующих ислам, оказалась выведенной за пределы функциональной деятельности Наркомпроса. Как следствие, возникла неразбериха при обеспечении школ материально-техническими средствами. В.Г. Чеботарева отмечает: «... на пути финансирования образовалась целая цепь бюрократических барьеров: местные мусульманские комиссариаты (отделы) направляли сметы о расходах в Центральный мусульманский комиссариат, он, в свою очередь, делал представление коллегии Наркомнаца, которая ходатайствовала перед Наркомпросом о финансировании

школ определенного города, уезда, губернии» [Там же, с. 55].

Тенденция автономного существования национальной школы в уездах с преобладанием тюркоязычного населения продолжала набирать силу [13. Л. 25]. В Центральном мусульманском комиссариате были убеждены, что изоляция национальной школы – верный путь, который согласуется с целями национально-культурной автономии.

Но, изъяв школу из ведения Наркомпроса, комиссариат оказался не в состоянии организовать финансовое и материально-техническое обеспечение всех учебных заведений. Причиной этого стал тот факт, что аппарат не владел достоверной информацией о численности населения, исповедующего ислам, географии расселения, потребностях в просвещении взрослых и детей. Как следствие, в 1918 г. на Центральный мусульманский комиссариат обрушился шквал жалоб и требований обеспечить национальную школу всем необходимым.

Комиссариат по мусульманским делам Оренбургской губернии также принимал активное участие в деле народного образования. Кроме открытия национальных школ новая власть делала шаги вообще по просвещению мусульманских народов края. Так, общее собрание коммунистов-мусульман Орского городского района постановило, что «для освобождения пролетариев Востока от ига хищников Европы, так и от своей буржуазии необходима сильнейшая организационно-просветительская работа среди мусульман, а эта задача всецело лежит на коммунистах и на коммунистической молодежи мусульман» [17. Л. 26].

В Орске решено было устроить конференцию для женщин-мусульманок. Специально для этого были отпечатаны на татарском языке и распространены по населенным пунктам губернии с компактным проживанием мусульман объявления, где женщин призывали рассмотреть на конференции права мусульманок, вынужденных «на протяжении веков жить под гнетом и до сегодняшнего дня все еще остающихся в темноте и неволе» [Там же. Л. 19].

Кроме этого, в 20-х гг. XX в. из Москвы специально привезена была типография, которая «будет служить первым орудием просвещения темных, отсталых масс Востока путем печати» [Там же. Л. 26]. За необходимым шрифтом для этой типографии был командирован представитель в Казань.

Распространяли среди татаро-башкирского населения и периодическую печать на родном языке. По постановлениям политпросветотдела губкома проводились одномесечные кампании по распространению газет и журналов на татарском языке среди мусульманского населения. Основной задачей таких кампаний было «продвижение печати в массы союза рабоче-крестьянской молодежи». Распространяли в основном такие журналы, как «Яшьэшче» («Молодой рабочий») в городах и фабрично-заводских районах, «Авыляшьлере» («Сельская молодежь») в деревне, «Кечкенэиптэшлэр» («Маленькие товарищи»), «Яшь-Ленинчы» («Молодой ленинец») для детей, а также «Кызыляшьлэр» («Красная молодежь») для рабоче-крестьянской молодежи [18. Л. 3]. Это были первые шаги на пути организации светского образования.

Но для всех мусульман продолжала оставаться актуальной проблема сохранения конфессиональной школы. Верующие не могли смириться с упразднением многовековой традиции обучения Корану. Большая часть национальной интеллигенции не могла согласиться с упразднением вероучения в школе. На I Всероссийском совещании работников просвещения народов нерусского языка (1919 г.) дискуссия выявила разногласия по вопросу организации воспитания молодого поколения: одни стояли на позиции социалистической идеологии, другие – мелкобуржуазного национализма. Многие указывали на угрозу русификации, которая возобладала бы в процессе реформирования школы [19, с. 58].

О массовом недовольстве населения сообщала и пресса. «Жизнь национальностей» в номере от 6 апреля 1919 г. поместила информацию: «Среди мусульманского населения Саратовской губернии заметно громадное разногласие по поводу проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства. В Хвалынском уезде крестьяне не хотят посылать своих детей в школу. Мусульманское духовенство ведет энергичную агитацию против Декрета об отделении церкви от государства». Были и случаи избиения населением учителей национальных школ [12. Л. 50], противодействия мероприятиям власти по народному образованию в Татарской Каргале Оренбургского уезда. В частности, здесь Оренбургским уездным политпросветом были отмечены «недоразумения по сокращению часов занятых для вероучения» и противодействие антирелигиозной пропаганде. Подчеркивалось, что в

этом населенном пункте «религиозный фанатизм развит до неимоверности и что население считает себя в плену у революции» [14. Л. 19].

После опубликования декрета об отделении церкви от государства конфессиональные школы определенное время продолжали функционировать, Советы их не закрывали. Во многих регионах был найден разумный компромисс – основы ислама преподавались во внеурочное время. Так, Уфимский губком в 1919 г. обсуждал вопрос «о разрешении заниматься (учиться) по религиозным вопросам среди желающих мусульман в стенах школьного помещения, вне учебного времени». Особо подчеркивалось, что «мусульманский народ весьма темный, подходить к нему нужно весьма осторожно и прямое проведение декрета об отделении церкви от школы даст муллам в руки оружие сыграть на религиозных чувствах мусульман. Давая же временную возможность заниматься религиозным вопросом в стенах школы вне учебного времени с только желающими, мы это оружие из рук муллы вышибаем» [11. Л. 28].

Как пример такой политики можно привести постановление-разъяснение Наркомнаца о толковании декрета СНК об отделении школы от церкви, принятое и разосланное по местам в 1923 г. В документе говорится, что «по имеющимся у Наркомнаца сведениям, в различных местностях, населенных мусульманами, получают различные толкования декрета. В некоторых случаях наблюдаются репрессии в отношении мулл за обучение ими догматам ислама в мечетях, в других же случаях дело доходит до полного разрешения муллам обучения исламу в советских школах» [9. Л. 61]. Ввиду этого Наркомнац разъяснял, что:

«← недопустимы какие-либо репрессии в отношении мулл за проповедь ислама и обучение догматам мусульманского вероисповедания в мечетях, на дому, а также в частных, по приглашению граждан, домах;

– богословские школы, содержащиеся за счет добровольных приношений частных лиц, закрываемы быть не могут;

– под богословскими школами понимаются школы, в коих обучаются догматам веры совершеннолетние граждане, и к таковым школам не могут быть отнесены так называемые мектебы и медресе;

– преподавание догматов религии в советских школах ..., не допускается декретом об отделении школы от церкви и противоречит основам советского права» [Там же].

Но жалобы от мусульманских общин продолжали поступать, а движение мусульман за справедливое решение вопроса ширилось и начинало приобретать опасные масштабы. Ходатайств с мест было так много, что в Наркомнаце уже составляли целые сводки о документах, связанных с запретом преподавания исламского вероучения в школе и т. д. К сожалению, Наркомнацу не удалось завершить все дела, в том числе и школьное строительство по декларированному правительством принципам национальной политики. В 1923 г. Наркомнац был упразднен [19, с. 59].

Уже с 1924 г. конфессиональные школы (мектебы и медресе) начинают упразднять, их имущество и помещения передают советским школам [10. Л. 24].

Таким образом, осенью 1919 г. конфессиональные школы Южного Урала стали переводить под контроль советских органов образования, в то время как по стране это произошло раньше. Налицо были две тенденции развития: рост числа мусульманских (более точно – татарских, башкирских и т. д.) школ при поддержке Советского государства (точка зрения оренбургского комиссариата по мусульманским делам) и строительство единой советской трудовой школы (Наркомат просвещения). Перевод школ данного типа из ведения НКП в ведение Наркомата по делам национальностей лишь отсрочил развитие последней тенденции. Антирелигиозная политика государства не предполагала существования конфессиональных, а также национальных школ. Ликвидация татарских школ была составляющей в общем процессе; удар был направлен не против татарского образования, а против всего, что отклонялось от линии трудовой школы без национальных различий.

Список литературы

1. Гадиллов Л.З., Гумеров Ф.Х. Карим Хакимов: историко-биографический очерк [первого Оренбургского губернского комиссара по народному просвещению]. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1960.
2. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 32.
3. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 465.
4. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 765.
5. ГАОО. Ф. 450. Оп. 1. Д. 1032.
6. Губскова Г. Г. Особенности развития системы образования в Оренбургской губернии в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 3(82).

7. Королев Ф.Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики 1917–1920 гг. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1958.

8. Культурное строительство в Оренбуржье. Документы и материалы. 1918–1941 / отв. ред. Н.И. Сайгин. Челябинск, 1985.

9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 107.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 121.
11. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9.
12. ЦГАОО РБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 114.
13. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 135.
14. ЦДНИОО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10.
15. ЦДНИОО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 148.
16. ЦДНИОО. Ф. 20. Оп. 1-а. Д. 12.
17. ЦДНИОО. Ф. 20. Оп. 1-а. Д. 42.
18. ЦДНИОО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 755.
19. Чеботарева В.Г. Реформирование мусульманской школы: просветительские цели политики и практика абсурда (1917–1923 гг. На материалах Наркомнаца) // Этнопанорама. 2000. № 3.

* * *

1. Gadilov L.Z, Gumerov F.H., Karim Hakimov: istoriko-biograficheskij ocherk [pervogo Orenburgskogo gubernskogo komissara po narodnomu prosveshheniju]. Ufa :Bashk. kn. izd-vo, 1960.

2. GAOO. F. 450. Op. 1. D. 32.
3. GAOO. F. 450. Op. 1. D. 465.
4. GAOO. F. 450. Op. 1. D. 765.
5. GAOO. F. 450. Op. 1. D. 1032.
6. Gubskova G. G. Osobennosti razvitija sistemy obrazovaniya v Orenburgskoj gubernii v gody grazhdanskoy vojny (1918–1920 gg.) // Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. 2015. № 3(82).
7. Korolev F.F. Oчерки po istorii sovetskoj shkoly i pedagogiki 1917–1920 gg. M.: Izd-vo Akademii ped. nauk RSFSR, 1958.

8. Kul'turnoe stroitel'stvo v Orenburzh'e. Dokumenty i materialy. 1918–1941. / отв. red. N.I. Sajgin. Cheljabinsk, 1985.

9. RGASPI. F. 17. Op. 61. D. 107.
10. RGASPI. F. 17. Op. 61. D. 121.
11. CGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 9.
12. CGAOO RB. F. 1. Op. 1. D. 114.
13. CGAOO RB. F. 122. Op. 2. D. 135.
14. CDNIOO. F. 5. Op. 1. D. 10.
15. CDNIOO. F. 7. Op. 1. D. 148.
16. CDNIOO. F. 20. Op. 1-a. D. 12..
17. CDNIOO. F. 20. Op. 1-a. D. 42.
18. CDNIOO. F. 208. Op. 1. D. 755.
19. Chebotareva V.G. Reformirovanie musul'manskoj shkoly: prosvetitel'skie celi politiki i praktika absurda (1917–1923 gg. Na materialah Narkomnaca) // Jetnoporama. 2000. № 3.

Establishment of Soviet school in the context of the conflict between People's Commissariats for Nationalities and Education (1918–1923)

The article deals with the period when the confessional schools of the southern Urals were controlled by the Soviet educational authorities, while in the country it had happened before. There were two tendencies for the future: the growth of national (Tatar, Bashkir, etc.) schools supported by the new Soviet state (People's Commissariat of Nationalities) and the construction of the United Soviet labor school (People's Commissariat of Education).

Key words: *People's Commissariat of Education, People's Commissariat of Nationalities, confessional schools, the Muslims, Muslim commissariats.*

(Статья поступила в редакцию 27.01.2017)

**А.В. ЛИПАТОВ, В.С. МЕРКУРЬЕВА,
Ф.А. ТАКТАШЕВА**
(Волгоград)

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ
И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА
СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ:
на материалах Сталинградской
области**

На основе широкого архивного документального материала дается анализ деятельности государственных органов и общественных движений по социальному обеспечению семей фронтовиков и инвалидов. Приводится широкий пласт фактического и статистического материала, который позволяет выявить роль государства в повышении уровня жизни населения Сталинграда и области. Охарактеризованы формы социальной помощи фронтовикам и их близким.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Сталинградская битва, Сталинград, социальная поддержка, фронтовики.*

Великая Отечественная война – важная героическая страница истории нашей страны. Безусловно, в эти тяжелейшие годы все силы страны были брошены на защиту Оте-

чества. Это обусловило в тылу жесточайшую экономико, нарушение привычных экономических связей и социальных практик, бытовых условий существования советских людей. Однако, несмотря на все трудности военного времени, руководство страны понимало необходимость защиты мирных граждан и адресной социальной помощи наиболее незащищенным категориям населения.

В рамках социальных мероприятий Советская власть уделяла особое внимание членам семей военнослужащих (фронтовикам, их жёнам, осиротевшим детям) и инвалидам Великой Отечественной войны. Как и любой другой регион страны, подвергшийся нападению и разорению со стороны фашистской Германии, в Сталинграде и области практически не было семьи, которую бы не коснулись военные события. Поэтому социальная поддержка и помощь в условиях военного времени, разорения города и области и утраты части или всего материального благополучия были жизненно необходимы для населения.

Наиболее уязвимые и незащищённые категории населения военного города и области имели право на особые дотации со стороны Советского государства (пособия по инвалидности, льготы за потерю кормильца, компенсации сиротам и т. д.), а также могли рассчитывать на элементарную помощь своих земляков, более трудоспособных, имеющих свободное время, а главное – желание оказать помощь нуждающимся. Работа с семьями военнослужащих не прекращалась ни на день. В первые месяцы после завершения Сталинградской битвы для многих эти средства правительственной поддержки и адресной помощи были единственным источником существования и возвращения к прежней жизни [1].

Среди основных направлений социальной политики области следует особо отметить пособия и льготы инвалидам войны и труда, фронтовикам, имеющим увечья, и семьям фронтовиков. Кроме того, необходимо было решать вопрос трудоустройства нуждающихся граждан. Это было и первоначальной потребностью самой администрации города, и желанием самих жителей, вынужденных вопреки условиям военного времени содержать свою семью.

Безусловно, важна была и социальная адаптация людей, переживших большие потери (гибель близких, утрата имущества), физические травмы, долгие месяцы лишений и